

М. А. Эриксон (США)

МИФИЧЕСКАЯ МОЩЬ СВОБОДНОГО РЫНКА

Эриксон Мэттью Александр — выпускник
Сайнт Майклс
университета, штат Вермонт (США).

«Политика беспринципных менял стоит перед судом общественного мнения, отвергнутая сердцами и умами людей.»

(Первая торжественная речь при вступлении
в должность Президента США

Франклина Делано Рузвельта, 1933).

Сегодня в России мы много слышим о глобализации, которая ассоциируется с либерализацией рынка и изменением роли государства. В то время, как в России идёт поиск адекватного определения процесса глобализации, на Западе уже обсуждаются его кризисные тенденции. Догма свободного рынка, которая сейчас доминирует в господствующих концепциях, не нова: экономическая либерализация и дерегуляция была главной доктриной в США и в двадцатые годы. Гибельные результаты рыночной политики в тридцатых и сороковых годах доказывают, что полностью либерализованный рынок саморазрушителен. Россия, конечно, не имела подобного печального опыта. Даже Запад, в последние годы, забыл об уроках прошлого, и современная экономика снова склоняется к либерализации, только на этот раз само рыночное направление намного глобальнее и либеральнее, чем когда-либо. «Воспламенённое эмоциональной верой в спонтанность, отношение здравого смысла к изменению было выброшено в обмен на мистическую готовность принять социальные последствия экономических улучшений, какими бы они ни были» (К. Поляный, *The Great Transformation*, 1994, pp. 3). Либеральная доктрина превратилась в религиозную догму для её приверженцев, а её социальные последствия стали второстепенными. Рынок стал не средством для достижения цели, а целью, в то время как «беспринципные менялы» и спекулянты прикармливают изрядную прибыль.

На самом деле, со времён распада Советского Союза свыше десяти лет назад, последователи «неолиберальной» догмы находились в экзальтации по поводу «триумфа капитализма над коммунизмом» и прокламировали, что это предвещает зарю всемирной демократии. Судьба большинства людей в мире в это время, однако, демонстрирует всё, кроме триумфа капитализма или демократии. Две третьих стран мира и половина населения не имеют никакого доступа к контролю над политикой и экономикой своих стран. Этот факт интересен, но его часто игнорируют. Так называемые «эксперты» — технократы индустриальных стран, которые базируются в Вашингтоне — регулируют всё, начиная с макроэкономики и заканчивая затратами на социальные нужды населения и инвестиционными программами. Руководящие глобальные финансовые институты маскируют сущность своей политики эвфемизмами и риторикой человеколюбия.

Свод руководящих принципов свободного рынка, известный сегодня как «вашингтонский консенсус», утверждает, что либерализованный торговля и макроэкономическая стабильность являются предпосылками хороших экономических показателей

и продвижения общества к благоденствию. Они также заявляют, что проводить жёсткие программы («шоковая терапия»), и вгонять людей в бедность является обоснованным средством для достижения «стабильной» экономики. Тем не менее, теория «свободного» рынка «на самом деле не столько наука, сколько ценностно-нагруженная форма пророчества. Таким образом, это не является объектом обсуждения для определения, что есть правда, а что нет. Исключением являются катаклизмические моменты, когда реальность предоставляет неоспоримое опровержение» (W. Greider, *One World, Ready or Not*, 1997, pp 41). Неoliberalизм, несмотря на его взывания к морали и к общественным интересам, является, в действительности, лишь возрождением и продолжением старой системы, в которой несколько богатых и сильных мира сего могут преуспевать за счёт большинства населения.

Богатые, сильные страны, такие как США, заставляют страны, только что вступившие на путь развития (Мексика, Бразилия, страны Южной Азии и т.д.) дерегулировать свою экономику, чтобы более эффективно эксплуатировать их труд и ресурсы. Тем временем, эти же сильные страны создают исключения и уловки в неоллиберальных правилах игры, которые дают им преимущества. Или они просто игнорируют согласованные правила, в то же время требуя, чтобы бедные страны следовали этим правилам беспрекословно. Итак, «существующая в действительности теория рынка», в том виде, как Чомский описывает суть неоллиберальной теории, похожа на систему корпоративного меркантилизма больше, чем на либеральный свободный рынок, который виделся А. Смиуту. К примеру, в обзоре времён Рейгана, сделанном Шафкилом Исламом в «Иностранных Вопросах» (*Foreign Affairs*, 1989-90) автор находит иронию в том, что Рейган, «послевоенный президент, как никто другой питавший страстную любовь к невмешательству правительства в экономику, осуществил значительный поворот по направлению к протекционизму, начиная с тридцатых годов». По правде говоря, это не «ирония», а обычное явление в «страстной любви к невмешательству правительства в экономику»: власть способствует рынку так долго, как это соответствует её интересам, и часто благоприятствует государственной интервенции по этой же причине. Конечно, дерегуляция приемлема и для людей в Вашингтоне, и для руководителей американских корпораций, когда они понимают, что их соперники не могут конкурировать с ними. Обязательная либерализация экономики третьего мира — это просто обнажение экономик, уязвимых к эксплуатации властью, и эта либерализация приводит к сильному разрушительным результатам.

Гонка Вниз: Государства во всём мире начали дерегулировать свою экономику в спешке как никогда раньше, чтобы способствовать корпорациям в их поиске максимального увеличения потенциальной прибыли. В глобализированной экономике трудящиеся, локальные сообщества и целые страны вынуждены конкурировать друг с другом, бороться за кусок разгуливающего по земному шару капитала. Суть либерализации торговли и капитала заключается в том, чтобы дать транснациональным корпорациям преимущество перед трудящимися и правительствами, и из этого следует, что когда глобальная экономика ускоряется, она «идёт не по направлению к золотой середине экономистов, а движется в противоположном направлении» (W. Greider, pp. 48). Итак, способность капитала стихийно двигаться, изменяться по прихоти

властвующих, заставляет страны урезать заработную плату, социальные программы и инвайронментальные регуляции, в падении по спирали к самому нижнему общему знаменателю.

Эта «гонка вниз» привела к разрушению окружающей среды, понижению зарплат и жизненных стандартов, а также способствовала увеличению бедности во всем мире. Очевидно, некоторые страны извлекают из этого выгоду. Согласно недавнему отчёту Организации Объединённых Наций, в мире имеется 447 миллиардеров, располагающих большим богатством, чем бедная половина человечества. То есть, 447 человек контролируют больше богатств, чем три миллиарда людей. Вопреки утверждениям Международного Валютного Фонда и Департамента финансов США о том, что глобальная экономика поднимает жизненные стандарты всех людей, на самом деле более трёхсот миллионов населения живёт в странах, где продолжительность жизни резко упала в течение последних тридцати лет. В таких странах, например, как Россия, продолжительность жизни мужчин в девяностые годы упала до 59 лет, что на одиннадцать лет меньше показателя восьмидесятых годов. Такой демографической катастрофы в Европе не было со времён бубонной чумы, за исключением Второй Мировой Войны. «Тем временем, глобализация деформировала экономики, разрушала самодостаточность, сместила структуру семьи и локальных сообществ и поставила миллиарды работников в зависимость от переменчивых иностранных рынков» (B. Smith, *Congressional Report*, 1998). Хотя несколько человек и извлекло из этого выгоду, большинство оказалось в проигрыше.

Летучесть: Одна из основных целей «вашингтонского консенсуса» — принуждать страны к дерегуляции финансовых рынков, уменьшению барьеров на пути денежных потоков (хотя, конечно, с определенными для них стратегическими исключениями). Северо-Американское Соглашение о Свободной Торговле (NAFTA), Общее Соглашение о Тарифах и Торговле (GATT), Всемирная Торговая Организация (WTO), Европейский Союз, предложенное Многостороннее Соглашение об Инвестировании (MAI) и другие торговые соглашения, а также программы Структурной Адаптации и «шоковой терапии», под эгидой организации Бреттон Вудса — все они имели огромное воздействие на мировую финансовую систему. Догма свободного рынка выражена в конкретных терминах, которые не подлежат обсуждению, исключения сделаны лишь для тех, кто имеет власть. Барьеры для капитала крушатся и делают экономику стран всего мира уязвимой и беззащитной перед лицом финансового кризиса.

Уничтожение Демократии: Растущая лёгкость, с которой капитал пересекает глобус, резко подрывает способность стран контролировать свою экономику. Мировая экономическая либерализация продолжает движение, свободное от оков общественного согласия. Институты, которые насаждают сверху либеральную доктрину на бедные страны мира, прodelывают это совсем свободно от демократической ответственности. Те, кто имеет власть, свободны создавать свои собственные правила, и в результате этого проявляется «ещё одна постоянно возникающая черта экономических революций — коррупция. Корруптированные денежные сделки между бизнесом и политикой — эпидемия во всём мире» (W. Greider, pp 35). И хотя теоретики в Вашингтоне и на Уолл Стрит очень быстро сбрасывают вину за экономический кризис на так называемый «испорченный капитализм»

Мексика, Юго-Восточной Азии или России, эти страны не в большей мере испорченны, чем сам Уолл Стрит.

Давайте посмотрим на российский опыт в новой глобальной экономике. Не удивительно, что вследствие вакуума, который возник после крушения марксистско-ленинского мировоззрения, первые российские реформаторы с полным энтузиазмом приняли предписанные западом программы трансформации: структурную адаптацию и «шоковую терапию». Оказалось, что этот план смог не только объяснить успех Запада и обеспечить уже готовой схемой реформы, но и «стал основным оправданием для быстрой распродажи государственного имущества в частные руки» (Т. Gustafson, *Capitalism Russian-Style*, 1999, pp 12). Согласно Жозефу Стиглицу (Stiglitz), который был долго главным экономистом Всемирного Банка, государственные лидеры были очень счастливы согласиться с распродажами государственных отраслей, используя требования Всемирного Банка заставить молчать местных критиков, и с удовольствием загнали активы страны. «Можно было видеть, как их глаза расширились» перед перспективой получить 10% комиссионных за положенные на счета в швейцарских банках вклады просто за то, что они отрезали несколько миллиардов от цены национальных активов. Но самый предосудительный факт в том, что правительство США всегда знало об этом. Стиглиц объясняет: «Финансовый департамент США считал, что это отлично, так как мы хотели, чтобы Ельцин выиграл выборы. Нам всё равно, присутствует ли коррупция в процессе выборов. Мы хотим, чтобы Ельцин получил деньги» для того, чтобы добиться политической победы.

Практически десять лет российские лидеры пребывали в эйфории, следуя предписаниям «вашингтонского консенсуса» по трансформации российской экономики. Это продолжалось до августовского дефолта 1998 года, пока реформаторы не осознали ложность данного курса. Пережитый шок стал причиной резкого изменения отношения к либерализации «по-американски» для российской элиты. Идея капитализма была также дискредитирована

и для многих россиян.

Таким образом, совсем не подотчётные демократическому контролю, неолиберальные институты определяют сегодня мировую политическую экономику с очень тревожными последствиями для граждан мира. Величественное и благородное рассуждение о добродетелях «свободного рынка» нелепо, поскольку нет ничего «свободного» в самом направлении неолиберализма. И благодаря гегемоническому контролю, который крупные корпорации имеют над государством, «вашингтонский консенсус» потворствует бизнесу, поддерживая только ту политику, которая приносит выгоду богатой элите. Всепроникающая коррупция этой политики даёт толчок к уничтожению демократии и локальных сообществ во всём мире, разорению экономики, истощению природных ресурсов и эксплуатации людей с целью заполучения как можно большей прибыли. Неолиберальная мировая экономика — это не больше, чем система частной прибыли, гарантируемой за казённый счёт. Глобализация неизбежна, но это не означает, что она должна быть именно в том виде, в котором она сейчас протекает — когда прибыль корпораций ставится превыше всего.